

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-144-159

УДК 94(47)«1917»:32.019.51

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ЭМОЦИИ В ДНИ КОРНИЛОВСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ¹

Годунов Константин Валерьевич

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

kostyagodunov@yandex.ru

Аннотация. Используя инструментарий истории эмоций (прежде всего концепцию эмотивов У. Редди), автор исследует значение политических эмоций, транслируемых различными политическими силами в дни корниловского выступления. В качестве источников используются материалы периодической печати, воззвания основных политических акторов, дневники современников. Продемонстрировано, что эмотив страха оказал воздействие на ход кризиса: люди разных политических взглядов предполагали, что кризис перерастет в гражданскую войну. Страх перед гражданской войной использовали все политические силы. Важное исключение составляли некоторые радикальные социалисты, прежде всего В.И. Ленин, а также представители военных комитетов. Показано, что страх перед гражданской войной являлся одним из факторов, способствовавших эскалации насилия. Уничтожение (политическое или даже физическое) врага описывалось в качестве средства выхода из глобального кризиса. Влияние этого культурного фактора снижало возможность достижения политических компромиссов, способствовало процессам расчеловечивания, дегуманизации врага. Распространенный страх перед угрозой гражданской войны, используемый различными политическими акторами, не являлся достаточным условием для ее предотвращения, но придавал особую эмоциональную нагруженность языку гражданской войны. Особая эмоциональная атмосфера гражданской войны сложилась до разворачивания глобального конфликта.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., эмоции, легитимация насилия, «корниловщина».

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны»).

PREMONITION OF CIVIL WAR: EMOTIONS DURING THE KORNILOV AFFAIR

Godunov Konstantin V.

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia
kostyagodunov@yandex.ru

Abstract. Using the instruments of the history of emotions (primarily William Reddy's concept of emotives), the author explores the significance of political emotions broadcast by various political actors during the days of the Kornilov mutiny. The author uses different periodicals, appeals of main political actors and diaries as main sources. Emotive of fear influenced the course of crisis: people of different political views thought that this crisis would develop into a civil war. All political forces utilized the fear of civil war for their own purposes. The exceptions were some radical socialists, primarily Vladimir Lenin, as well as representatives of military committees. It was shown that fear of civil war was one of the factors that contributed to the escalation of violence. Destruction (political and even physical) of the adversary was described as the means for exiting the crisis. Influence of these cultural factor reduced the possibility of political compromises, contributed to the processes of alienation, dehumanization of the enemy. The widespread fear of a civil war breaking out that various political actors were using did not serve as a sufficient condition for preventing it but it tinted the language of the civil war with a specific emotional burden. Particular emotional atmosphere of the civil war was formed before the breaking out of the full- global conflict.

Keywords: The Russian Revolution of 1917, emotions, legitimizing of violence, "Kornilovism".

Цитирование: Годунов К.В. Предчувствие гражданской войны: эмоции в дни корниловского выступления // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 144–159. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-144-159 / Godunov K.V. Premonition of Civil War: Emotions during The Kornilov Affair, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 1. Pp. 144–159. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-144-159.

© Годунов К.В., 2024

Цель данной статьи – рассмотреть, каково было значение эмоций, транслируемых различными политическими силами в дни корниловского выступления – кризиса, оказавшего существенное влияние на ход российской революции и сыгравшего немалую роль в легитимации насилия.

Исследователи по-разному оценивают роль эмоций в эскалации насилия. Если С. Калливанс полагает, что изучение эмоций не способствует пониманию насилия гражданских войн новейшего времени [Каливанс, 2019], то Р. Коллинз считает, что «ситуации насилия формируются эмоциональным полем напряженности и страха» [Collins, 2008, p. 19]. Не случайно и авторы важных работ о Российской революции уделяют немалое внимание анализу эмоций – без этого трудно адекватно понять политические, социальные, культурные конфликты эпохи [Аксенов, 2020; Булдаков, 2017; Колоницкий, 2017].

Анализ эмоциональных переживаний – чрезвычайно трудная исследовательская задача. В ее решении могут помочь приемы, использованные исследователями эмоций, изучивших культуру террора Французской революции XVIII в. По мнению Уильяма Редди, существует связь между эмоцией – перформативным высказыванием об эмоции – и переживанием этой эмоции, соответственно, следует уделять особое внимание языку описания предписываемых чувств и ожидаемых эмоций. Из ансамбля предписанных эмотивов формируется эмоциональный режим – «совокупность нормативных эмоций и официальных ритуалов, методов и эмоциональных практик, которые служат их выражению и внушению»; он представляет собой «необходимую основу» политического режима [Reddy, 2001, p. 129]. Слова, используемые людьми для описания эмоциональных переживаний, способны многое сказать и о мировосприятии этих людей, и о политических режимах. Этот подход Редди использовал, чтобы по-новому поставить вопрос об истоках террора эпохи Французской революции XVIII в. По его мнению, к террору привел «эмоциональный перегрев» общества.

Тимоти Таккетт, исследуя истоки политической культуры насилия Французской революции, продолжил линию классической книги Ж. Лефевра о Великом Страхе. Особое внимание Таккетт уделил энтузиазму и страху, который выражался в панических слухах о заговорах врагов революции. Этот страх, по его мнению, стал «основным фактором возникновения гнева и ненависти среди элит и введения узаконенного государством насилия и репрессий» [Tackett, 2015, p. 7]. Представляется, что связи между энтузиазмом и страхом должны интересовать и исследователей российской революции.

Едва ли мы можем точно узнать, какие чувства «на самом деле» испытывали разные люди в корниловские дни. Но изучение эмотивов, различных способов выражения эмоций дает ключ к более глубокому пониманию политической истории. В частности, отвечая на вопрос, какие эмоции распространяли представители разных политических сил, мы можем расширить представления о культурных истоках эскалации насилия.

После февраля 1917 г. революционный энтузиазм был важнейшей нормативной эмоцией, источником власти, основой эмоционального режима: он должен был сплотить сторонников революции в эмоциональное сообщество, поддерживая надпартийное единство [Соболев, 1973, с. 109–115]. Разные политические силы оформляли и поддерживали этот энтузиазм, стремясь использовать его в своих интересах. В частности, эйфорические настроения были важнейшим политическим ресурсом А.Ф. Керенского, стремившегося эти настроения усилить, оформить, использовать, они укрепляли его авторитет революционного вождя [Колоницкий, 2017, с. 173–196].

Изменение этих эйфорических настроений образно описал исследователь интеллигенции О.Н. Знаменский: «Категория “воодушевленных и ликующих” таяла, как остатки снега под лучами апрельского солнца, и к началу лета исчезла совсем или почти совсем» [Знаменский, 1988, с. 234]. Действительно, политические акторы разных взглядов фиксировали: к лету эмоциональный режим изменился. В частности, об этом говорили влиятельные политики, выступавшие 12–15 августа на Московском государственном совещании – форуме, призванном преодолеть нарастающий социальный и политический раскол общества.

А.Ф. Керенский заявил, что «все мы ощущаем в душе своей смертельную тревогу», говорил о «трепете», «смертельном ужасе», который испытывают сторонники революции [Государственное совещание, 1930, с. 5, 9]. Закрывая Московское совещание, министр-председатель объявил, что тот, кто, «удовлетворяя до конца только одну какую-нибудь задачу и какой-нибудь один интерес... уничтожит то, что существует сейчас... откроет и начнет сам великую гражданскую войну и великое потрясение, где, может быть, погибнем все мы» [Государственное совещание, 1930, с. 304]. Керенский использовал страх перед гражданской войной для объединения умеренных сил. Тактика создания подобной коалиции предполагала и воскрешение атмосферы энтузиазма мартовских дней.

На этом же совещании В.Д. Набоков, один из лидеров кадетской партии, призвал «преодолеть... внутреннюю рознь и объединенными силами вернуться к тому великому порыву, которым отмечены были первые дни революции» [Государственное совещание, 1930, с. 47]. Член группы «Единство» Г.А. Алексинский заявил, что необходимо «создать священный энтузиазм, который подобает иметь стране во время революции» [Государственное совещание, 1930, с. 58]. Воскрешение революционного энтузиазма (который в некоторых случаях сакрализировался) провозглашалось и либералами, и умеренными социалистами важнейшей политической задачей.

Московское совещание имело целью смягчить кризис, объединить разные части политического спектра. Эта цель не была достигнута, более того, совещание скорее углубило раскол общества [Тарасов, 2021]. Эти распространенные настроения выразил публицист Е.Д. Максимов в своем дневнике: совещание, по его мнению, «дало, с одной стороны, ужасную потрясающую картину надвигающейся гибели не только государства, но и нации, а с другой, наличность все того же

человеконенавистнического разъединения и вражды классов и партий. Впрочем, маленький сдвиг в пользу объединения все-таки обозначился. Но, по-видимому, поздно, поздно» [ОР РНБ, ф. 1136, оп. 1, д. 56, л. 24].

25 августа видный деятель эсеровской партии Н.Д. Авксентьев заявил, что главная опасность для революции – не военные поражения, не контрреволюционные заговоры – «ужас в том, что обыватель попадает в полосу апатии» [В Исполнительном Комитете Совета Крест[ьянских] Депут[атов], 1917]. Выдыхание революционного энтузиазма осознавалось некоторыми видными деятелями Февраля как утрата важного политического ресурса.

Эта тема проявилась и в прессе. Корреспондент меньшевистской газеты писал:

*Вот и осень – серый плен
Серых дней и серых стен!
Солнца нет. На небосклоне
Тучи бешено летят:
Жизнь спасая от погони,
Покидают Петроград.
А у ног тяжелых зданий,
(Где вы, яркие мечты?),
Без надежд, без упований
Стынут мокрые хвосты [Князев, 1917].*

Автор стихотворения стремился передать перемену общественных настроений поздним летом 1917 г.: «яркие мечты», по его мнению, сменились разочарованием, унынием и усталостью.

Показательно, что в этот же самый день издание левых эсеров описывало сложившуюся эмоциональную атмосферу, используя схожие метафоры: «Беспросветно, бесконечно, однотонно, горести тяжкие больно бьют утомленную Русь; нет подъема, нет сил, мы устали. Осень глубокая, осень мрачная, туманная, безрадостная...» [Шрейдер, 1917].

Такие настроения фиксировали не одни только социалисты. Корреспондент «Речи» – газеты партии народной свободы – характеризовал настроение «петербургского обывателя» так: «черная меланхолия на лицах, и какой-то восточный фатализм в речах и в взглядах» [Мартынов, 1917].

Этот эмоциональный настрой, особенно ярко выразившийся в дни полугодовщины революции, описал корреспондент «Русской воли»: «Где то радостное возбуждение, где чувство внезапно родившейся солидарности братьев-граждан, где они, наши лучезарные надежды? Вчерашние братья снова глядят друг на друга волчьими глазами; воздух насыщен не радостью, а недоверием, разбитыми надеждами, страхом перед контрреволюцией, возмущением или ужасом перед всеобщим развалом, развалом хозяйственным, политическим, нравственным» [Полгода, 1917].

Как видим, об апатии и абсентеизме писали корреспонденты изданий, представлявших различные части политического спектра. Выдыхание революционного энтузиазма, эмоциональная демобилизация, распад прежнего единства описывались разными людьми как важнейшие проявления кризиса.

В то же время газеты разной политической направленности транслировали эмотив тревоги, распространялись слухи о заговоре и предательстве [Аксенов, 2020, с. 914–916]. Корреспондент «Русской воли» писал 27 августа: «Петроград полон сейчас зловещих слухов, предположений и предсказаний. Молва приурочивает к сегодняшнему дню наступление каких-то чрезвычайных событий. Но в чем они, – никто не знает и не догадывается. Предполагаются новые выступления большевиков, но, вместе с тем, предполагают и выступление контрреволюционеров. Уже несколько дней, как в народе сеется слух о готовящейся резне, о страшной Варфоломеевской ночи» [Суходольский, 1917]. Слухи о Варфоломеевской ночи, действительно, получили распространение. Корреспондент «Речи» писал: «В “хвостах”, этих всенародных, внепартийных клубах, говорили последние дни о “еремеевской ночи”. Большевики, мол, хотят правительство свергнуть, и буржуям окончательно все кишки выпустить» [Мартынов, 1917]. В издании же левых эсеров, напротив, ответственность за подготовку силовой акции возлагалась на союз купечества и промышленников с контрреволюцией, представители которой «готовили кровавую баню русскому трудовому народу и Варфоломеевскую ночь его руководителям» [Трутовский, 1917].

Идиому «Варфоломеевская ночь» использовали и правые, и левые. Странники Л.Г. Корнилова для легитимации своих действий распространяли слух о «большевистской опасности» – резне офицеров, которую левые радикалы якобы готовят 27 августа, в день полугодщины Февральской революции [Иоффе, 1989, с. 136]. С другой стороны, распространялся слух о контрреволюционном заговоре Ставки.

Слухи были показателем особой эмоциональной атмосферы: обстановка тревоги, взаимного недоверия, подозрительности отличала «дело Корнилова» от предшествующих кризисов – люди разных политических взглядов полагали, что вооруженные столкновения неизбежны, ждали их. Предчувствие гражданской войны – так можно охарактеризовать настроения этого времени. Корниловское выступление обострило эти эмоции.

«Газета для всех» – издание, адресованное городским обывателям – писала: «Ко всем тяжелым испытаниям, выпавшим на долю несчастной России, выпало еще одно – ужас междоусобицы. Из всех кошмаров, которые переживала страна, этот кошмар, несомненно, самый страшный и самый опасный, т.к. грозит не только свергнуть страну в пучину страданий, ужаса, но и свести на нет все завоевания народа, достигнутые путем тяжких жертв» [Ошанин, 1917]. Страна, по мнению газеты, находилась под угрозой гражданской войны – страшного социального бедствия.

Тревоги и страхи корниловских дней описывали и «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»: «Настроение тревожное — от неизвестности. Все хотят знать самые последние события и мало кто знает. Поэтому масса самых противоречивых и фантастических слухов передается в толпе. Слухи нервнируют и пугают и без того испуганных обывателей. Вечерние газеты берутся с боя, газеты рвутся на куски и обрывки разлетаются по ветру» [События 29 августа и в ночь 30 августа, 1917].

Эмотивы тревоги, страха с разными целями пытались использовать представители разных политических сил. Консервативные «Московские ведомости» так описывали эмоциональную атмосферу корниловских дней: «Жутко жить сейчас в России! Атмосфера насыщена до последней возможности ужасающей злобою, непримиримой ненавистью, все возрастающим неистовством взаимного истребления и разрушения. В человеческом сердце проснулся зверь, и он требует для себя крови» [Bellum civile, 1917]. Выход из этой ситуации описывался так: «Ум мучительно работает над мыслью, что все происходящее какое-то роковое недоразумение, что люди, поднявшую гражданскую войну, не поняли друг друга и что возможно какое-нибудь соглашение, какой-нибудь компромисс, который в корне пресечет взаимную вражду и прекратит братоубийственное столкновение» [М. А-въ, 1917].

28 августа автор передовицы «Речи» выражал уверенность, что «стороны послушают голоса благоразумия и что гражданская война будет предотвращена» [Петроград, 28 августа, 1917]. О выступлении Корнилова автор заметки писал как о «недоразумении».

Уже на следующий день тональность газеты изменилась. «Никогда Россия не стояла перед таким ужасом, какой грозит ей теперь — и именно сегодня» — так характеризовал движение полков Корнилова на столицу автор заметки, описывая усилия кадетов «к прекращению уже начавшейся гражданской войны» [Петроград, 29 августа, 1917]. За день оценка ситуации поменялась: накануне это партийное издание писало о возможности предотвращения гражданской войны, теперь оно призывало к ее окончанию. Некоторые представители кадетской партии пытались инструментализировать страх перед гражданской войной для давления на Временное правительство, которое должно было как можно скорее пойти на компромисс с Корниловым.

Если «Речь» назвала выступление Верховного главнокомандующего «недоразумением», то газета «Русская воля» писала: «Акт ген. Корнилова, являясь преступлением против России, был в то же время актом патриотического отчаяния. Так он был воспринят многими в это смутное время, рождающее смуту и ужас» [Петроград, 31 августа. Задачи дня, 1917]. В этой обстановке издание призывало: «...пока не стало совершившимся фактом столкновение сынов родного народа с оружием в руках, пока есть возможность, хотя бы минимальная, избежать кровопролития, мы взываем к использованию для этого всех возможных путей, во имя народного блага и хотя бы относительного социального мира» [Петроград, 30 августа, 1917].

Газета призывала найти компромисс, решить конфликт Временного правительства и Верховного главнокомандующего мирным путем.

Эмотив тревоги транслировали и социалисты, но использовали этот эмотив в противоположных политических целях. Издание левых эсеров отмечало: «Тревога за судьбу революции и Родины наполняет сердце каждого истинного революционера и преданного демократа, каждого рабочего и крестьянина, каждого солдата. Корниловщина несет с собой расправу с Советами среди рабочих и крестьян, с комитетами в армии. Тревога эта охватывает всех, кто болеет за судьбы Родины и революции». Исключение составляли кадеты, которые, по мнению автора заметки, не испытывали тревоги. Выход из создавшегося положения корреспондент видел в решительном подавлении восстания и резком усилении Советов: «Настал момент решительных и беспощадных действий как в тылу, так и на фронте. Только решительными, смелыми и быстрыми действиями Центральная Власть может раздавить “восстание” ген. Корнилова... Решительность и беспощадность — основные условия подавления мятежа. Действие вместе с Советами Солдатских Рабочих и Крестьянских Депутатов и только с ними даст возможность наладить нормальный ход жизни страны и отразить внешнего врага. Вместе с Советами бить, вместе с Советами и устраивать жизнь страны. Вне их — нет спасения ни Родине, ни Революции» [Петроград, 30 августа 1917 г., 1917]. Вступая в дискуссию с «Речью», издание левых эсеров использовало тот же эмотив тревоги, который использовали и кадеты, решая при этом противоположную задачу — усиление влияния Советов, ликвидация союза с «буржуазией».

Промежуточную позицию заняли умеренные социалисты. Автор статьи в газете «Единство» — издании марксистов-оборонцев, сторонников Г.В. Плеханова — писал, что «непосредственное чувство, которое должно охватить каждого честного гражданина русской земли» при известиях о мятеже «есть чувство негодования, возмущения и обиды». При этом автор заметки предлагал не поддаваться этим эмоциям: «...в политике решающую роль играют, в конце концов, не столько чувства, сколько реальные интересы. Если масса под влиянием настроения или увлечений способна действовать иногда против собственных своих интересов, это показывает недостаток ее сознательности». Автор статьи призывал к соглашению умеренных социалистов с представителями буржуазии: «Торгово-промышленному классу необходимо твердо и решительно поддержать революцию. Необходимо послать своих представителей в состав Вр[ременного] Правительства, чтобы способствовать созданию действительной и крепкой власти» [Дневницкий, 1917]. К этому же призывали и другие газеты умеренных социалистов — «Воля народа», «День», «Земля и воля». «Правые» социалисты оказались в сложной дискурсивной ситуации. С одной стороны, они считали, что предотвратить или завершить гражданскую войну может лишь коалиция с «буржуазией», боролись за воссоздание этой коалиции, при этом кадеты, без которых эта коалиция едва ли была возможна, часто описывались как подстрекатели гражданской войны [Колоницкий, Годунов, 2021].

Решая разные политические задачи, полярные по политической направленности газеты транслировали панику, ужас, смятение. Обращаясь к разным группам читателей, корреспонденты важнейших партийных изданий считали, что их сторонники должны испытывать страх. Они и регистрировали эту нормативную эмоцию, и стремились усилить ее. Посмотрим, как воспринимали эти эмотивы авторы дневников.

27 августа Е.Д. Максимов фиксировал в дневнике свои переживания: «Русский генерал Корнилов ведет русские войска против русской столицы. Русское правительство посылает русские войска против русских войск. Что это: ужасный кошмар во сне или действительность?!» [ОР РНБ, ф. 1136, оп. 1, д. 56, л. 25].

А вот как описывал свои ожидания поэт Р. Ивнев: «Корнилов идет к Петербургу. Предстоят междоусобные столкновения. Боже, Боже Милосердный, сжался, сжался над Россией!» [Ивнев, 2012, с. 238].

В этот же день художественный критик Н.Н. Пунин записал в дневнике: «Зарядил револьвер, ложась спать. Одиночество, тоска, страдания, Россия... Жду, что утром будет бой на улицах, тревожно прислушиваюсь к малейшему шуму — не канонада ли. Ветер гудит; сегодня страшный западный ветер. Сколько дней или часов еще буду жить?» [Пунин, 2000, с. 111–112].

Литературовед Е.П. Казанович фиксировала в дневнике: «Сожитель мой по квартире, студент, принес известие, что сражение между войсками ген. Корнилова и войсками Вр[еменного] Правительства уже началась под Лугой и завтра, вероятно, Петербург услышит звуки пальбы. Слышал студент это от одного журналиста, члена Комитета журналистов, который якобы слышал от самого Некрасова, считающего дело Временного Правительства проигранным и дни республики сочтенными... На стороне Корнилова лучшие, наиболее организованные и стойкие части» [ОР РНБ, ф. 326, оп. 251, д. 20, л. 2]. Показательно, что некоторые жители столицы ожидали боев на улицах Петрограда и готовились к ним. Это способствовало тому, что в «корниловские дни» люди ощущали себя в ситуации гражданской войны, эмоционально проживали ее.

Эти тревожные, нередко панические настроения чередовались в некоторых случаях с апатией. 29 августа Н.Н. Пунин зафиксировал: «Ничего, никаких известий. Даже какая-то мертвенность в людях. Или ждут, или устали?» [Пунин, 2000, с. 112].

В этот же день консервативно настроенный Б.В. Никольский записал в дневнике: «Население совершенно безучастно. У всех на устах одно: нам безразлично, Керенский или Корнилов, был бы порядок, было бы спокойствие и было бы продовольствие. Но с другой стороны, настроение запуганное, тревожное и нервное» [Никольский, 2015, с. 312–313]. Едва ли вывод современника был справедлив: выше мы видели, что выступление Корнилова пробуждало и иные эмоции — гнев и негодование у одних, надежды на политический поворот у других. Вернее было бы предположить, что автор искал и находил вокруг подтверждение своих собственных настроений. В этом он не был одинок.

Весьма показательна запись в дневнике Н.В. Устрялова за 31 августа: «Тягостное чувство. Ничем не могу заниматься, тоска томит, какая-то апатия. Теперь уже бессмысленно тянуть здесь дальше канитель политической “деятельности”. Видимо, пора переезжать в Москву, там дело найдется. Буду, наконец, заниматься диссертацией, если “политика” окончательно надоеет, как нечто вроде толчения воды в ступе. Да, Корнилов ликвидирован. Ну, что ж, значит, туда ему и дорога... На Руси не место Бонапартам: у нее есть советы депутатов – чего же еще нужно? Тупая, тупая безнадежность, беспросветно. Гнилая страна. Прочь, все эти обольщения славянофильства, золотые сны прежних дней! Уйти в себя – в “звездное небо”, в “нравственный закон”...» [Устрялов, 2000, с. 142].

Представляется, что этот эмоциональный настрой, особенно отчетливо выраженный Устряловым, оказал существенное влияние на ход событий: к осени 1917 г. многие люди были убеждены в неизбежности гражданской войны, и эта уверенность стала одним из факторов, гражданскую войну приближающих. Люди, испытывающие ужас перед гражданской войной, полагали, что невозможно противостоять столкновениям внутри государства, были растеряны и дезорганизованы.

Как видим, в дни корниловского выступления авторы дневников, писем фиксировали интенсивные эмоциональные переживания. Эмоциональное ощущение уже начавшейся гражданской войны, часто фиксирующееся в газетах разной политической направленности, усваивалось и на уровне индивидуального сознания.

Люди разных политических взглядов распространяли и поддерживали страх перед гражданской войной. Но были и важные исключения: составители резолюций различных армейских комитетов изъявляли готовность вести борьбу с «корниловцами», которые описывались как «заговорщики», «контрреволюционеры», «враги народа».

Представители общего собрания 2-й телеграфно-телефонной роты Запасного Электротехнического батальона писали о том, что корниловское выступление вызвало у них «чувства глубокого негодования и в этот грозный момент общее собрание роты считает своим долгом заявить, что для защиты революции мы все как один предоставляем себя в полное распоряжение Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Рабочих Солдатских и Крестьянских депутатов и Временного Правительства и пойдем с оружием в руках туда, куда они прикажут» [ГАРФ, ф. Р6978, оп. 1, д. 266, л. 9].

Представители Исполнительного Комитета Совета военных и рабочих депутатов Севастополя писали: «Пусть генерал Корнилов знает[,] что вся Россия содрогнется[,] когда Черноморский флот и гарнизон выступят на защиту своего вождя Керенского[,] Советов и революции. Пусть генерал Корнилов знает[,] что весь Черноморский флот[,] помня завет Шмидта и Катюшенко[,] ляжет костями[,] но не даст жалким наемникам царизма залить кровью добытую свободу. Пусть трепещут

новые Иуды нашей многострадальной Родины. Час пробил. Мы только ждем призыва» [ГАРФ, ф. Р6978, оп. 1, д. 266, л. 90].

Особенно откровенно готовность к силовому противостоянию выразили представители полкового комитета 14 Гренадерского Грузинского полка, которые писали во ВЦИК: «Генерал Корнилов перед лицом врага в момент его страшного для России успеха поднял знамя гражданской войны с целью захвата власти для проведения контрреволюционных вождедений полк считает его и его сторонников изменниками своей родины и смертельными врагами демократии готовый по первому требованию высшего командного состава идти в решительный бой с врагом внешним полк открыто заявляет что в смысле политическом он признает своими вождями лишь вождей демократии принимая брошенный вызов к гражданской войне полк готов по первому требованию Временного Правительства в полном своем составе встать грудью против врагов революции» [ГАРФ, ф. Р6978, оп. 1, д. 605, л. 29об.].

Составители телеграммы писали о готовности к гражданской войне с врагами революции. Показательно, что так в те дни писали активисты, которые ориентировались на ВЦИК, все еще возглавлявшийся умеренными социалистами, и на Временное правительство. От этих «вождей демократии» они ждали руководства в грядущей гражданской войны.

Эта риторика отражала процессы брутализации, радикализации, ожесточения комитетов. Подобный эмоциональный настрой представителей «комитетского класса» был, с одной стороны, серьезным ресурсом противников Корнилова – войсковые комитеты были важнейшей силой, определяющей ситуацию в армии. С другой стороны, все большее отрицание социального мира осложняло задачу формирования новой коалиции.

Другая политическая сила, не участвовавшая в тиражировании страха перед гражданской войной – видные члены партии большевиков. В.И. Ленин обвинял своих противников, что они используют страх перед гражданской войной в политических целях: «Из всех видов пуганья – пуганье гражданской войной самое, пожалуй, распространенное» [Ленин, 1969, с. 214]. Перспектива гражданской войны, начатой «пролетариатом», его не пугала: «Героическое усилие это и есть не что иное, как победа русского пролетариата в гражданской войне над буржуазией, ибо такая победа одна спасет от мучительных колебаний, одна даст выход, даст землю, даст мир» [Ленин, 1969, с. 227]. Ленин полагал: «Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна, если вы не хотите рассчитаться с корниловщиной и с “коалицией” теперь же, до конца, – то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата» [Ленин, 1969, с. 228]. Нельзя точно утверждать, что все видные большевики считали гражданскую войну неизбежной, но в своих прогнозах лидер партии явно не был одинок.

Смесь страха, паники и ожесточения работала на углубление конфликта, что проявлялось и в нарастании агрессивной риторики, и в акциях насилия. Понятия «внутренний враг», «враг народа» получили новый импульс для распространения, появились новые слова – «корниловцы», «корниловщина». Слова эти были эмоционально нагружены: с одной стороны, широкий фронт антикорниловских сил тиражировал представление о том, что никакой компромисс с корниловцами невозможен. Другая часть политического спектра – правые – ассоциировала себя с Корниловым, который стал для них олицетворением политического течения, которое одно только способно спасти страну [Колоницкий, Годунов, 2022].

Этот эмоциональный разлом выразился в конкретных действиях: в российских гарнизонах Финляндии произошла резня офицеров, считавшихся «корниловцами». Трудно доказать, что эти акции насилия были следствием всплеска паники, злобы и ожесточения, но они явно способствовали закреплению особой культуры насилия.

Итак, в корниловские дни видные политики, корреспонденты важнейших газет уделяли эмоциям особое внимание, порой используя схожий язык их описания. Источники же личного происхождения показывают, что происходила интериоризация страха перед гражданской войной на уровне индивидуального сознания.

Распространенный страх перед гражданской войной не стал преградой для ее эскалации. Напротив, такая дискурсивная рамка способствовала углублению конфронтации и политической радикализации: противостоящие друг другу политические силы обвиняли друг друга в подготовке гражданской войны. Подобные обвинения не оставляли пространства для компромисса: инициатор гражданской войны должен был быть или политически ликвидирован, или уничтожен физически. Попытки политического использования страха перед гражданской войной обостряли разнообразные конфликты и способствовали легитимации насилия.

Проговаривание и эмоциональное проживание гражданской войны делали масштабное противостояние внутри государства все более вероятным. Эмотив страха активисты разных политических взглядов использовали для выстраивания идентичностей: «они» развязывают гражданскую войну, «мы» стремимся ее предотвратить. В то же время нарастала деполитизация гиперполитизированных прежде групп, чему способствовало представление о том, что государство неотвратимо приближается к глобальному внутреннему противостоянию и ничьи действия не способны это предотвратить. Надежды на мирный выход из кризиса стремительно уменьшались, и это стало одним из факторов сползания страны в широкомасштабную гражданскую войну.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 984 с.

Булдаков В.П. Революция, эмоции, политики: к переосмыслению событий 1914–1917 гг. // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2017. № 2. С. 147–180.

В Исполнительном Комитете Совета Крест[ьянских] Депут[атов] // *Земля и воля*. 1917. 26 августа.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 266.

ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 605.

Государственное совещание. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 372 с.

Дневицкий П. Борьба за будущее // *Единство*. 1917. 29 августа.

Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.) Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 349 с.

Ивнев Р. Дневник. 1906–1980. М.: Эллис Лак, 2012. 877 с.

Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. 286 с.

Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. М.: Пятый Рим; Историческая память, 2019. 780 с.

Князев В. Полугодые // *День*. 1917. 27 августа.

Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа», март–июнь 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 511 с.

Колоницкий Б.И., Годунов К.В. Из истории разработки языка гражданской войны: «корниловщина» и легитимация политического насилия // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022. Т. 27. № 4. С. 192–202.

Колоницкий Б.И., Годунов К.В. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 3(54). С. 78–87.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Изд-во Политической литературы, 1969. 584 с.

М. А-въ. Спасение родины // *Московские ведомости*. 1917. 30 августа.

Мартынов П. В эти дни... // *Речь*. 1917. 25 августа.

Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 652 с.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 326. Оп. 251. Д. 20.

ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 56.

- Ошанин Д. Дни смуты // *Газета для всех*. 1917. 30 августа.
Петроград, 28 августа // *Речь*. 1917. 28 августа.
Петроград, 29 августа // *Речь*. 1917. 29 августа.
Петроград, 30 августа 1917 г. // *Знамя труда*. 1917. 30 августа.
Петроград, 31 августа. Задачи дня // *Русская воля*. 1917. 31 августа.
Полгода // *Русская воля*. 1917. 27 августа.
Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр. 2000. 525 с.
Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: Период двоевластия. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 330 с.
События 29 августа и в ночь 30 августа // *Известия*. 1917. 30 августа.
Суходольский Вл. Слухи // *Русская воля*. 1917. 27 августа.
Тарасов К.А. Московское государственное совещание 1917 года в поисках преодоления языка классовой борьбы // *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 3(54). С. 101–113.
Трутовский В. Заговорщики // *Знамя труда*. 1917. 25 августа.
Устрялов Н.В. Былое – революция 1917 г. (1890-е–1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. М.: АНК ИЛ, 2000. 246 с.
Шрейдер А. Осень глубокая // *Знамя труда*. 1917. 27 августа.
Bellum civile // *Московские ведомости*. 1917. 30 августа.
Collins R. *Violence: a Micro-Sociological Theory*. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2008. 584 p.
Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001. 380 p.
Tackett T. *The Coming of the Terror in the French Revolution*. Cambridge, London. The Belknap Press of Harvard University Press, 2015. 463 p.

REFERENCES

- Aksenov V.B. *Slukhi, obrazy, emotsii: massovyie nastroeniya rossiiyan v gody voiny i revolyutsii, 1914–1918* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians in the years of war and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 992 p. (in Russian).
- Buldaikov V.P. *Revolutsiya, emotsii, politiki: k pereosmysleniyu sobytii 1914–1917 gg.* [Revolution, emotions, politicians: toward a rethinking of the events of 1914–1917], in *The political conceptology: Journal of metadisciplinary research*. 2017. No. 2. Pp. 147–180 (in Russian).
- V Ispolnitel'nom Komitete Soveta Krest[']yanskikh Deput[atov] [In the Executive Committee of the Council of the Cross of Deput[s]], in *Zemlya i volya*. 1917. 26 august (in Russian).

State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P6978. Inv. 1. D. 266.

GARF. F. P6978. Inv. 1. D. 605.

Gosudarstvennoe soveshchanie [The State conference]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. 372 p. (in Russian).

Dnevitskii P. Bor'ba za budushchee [The struggle for the future], in *Edinstvo*. 1917. 29 august. (in Russian).

Znamenskii O.N. *Intelligentsiya nakanune Velikogo Oktyabrya (fevral'–oktyabr' 1917 g.)* [The intelligentsia on the eve of the Great October (February–October 1917)]. Leningrad: Nauka, 1988. 349 p. (in Russian).

Ivnev R. *Dnevnik. 1906–1980* [Diary. 1906–1980]. Moscow: Ellis Lak, 2012. 877 p. (in Russian).

Ioffe G.Z. *"Beloe delo". General Kornilov* [The white matter. General Kornilov]. Moscow: Nauka, 1989. 286 p. (in Russian).

Kalyvas S. *Logika nasiliya v grazhdanskoi voine* [The Logic of Violence in Civil War]. Moscow: Pyaty Rim; Istoricheskaya pamyat', 2019. 780 p. (in Russian).

Knyazev V. Polugod'e [Half-year], in *Den'*. 1917. 27 august (in Russian).

Kolonitskii B.I. *"Tovarishch Kerenskii": antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta "vozhdya naroda", mart–iyun' 1917 goda* [Comrade Kerensky: The Revolution Against the Monarchy and the Formation of the Cult of the Leader of the People, March–June 1917]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. 511 p. (in Russian).

Kolonitskii B.I., Godunov K.V. Iz istorii razrabotki yazyka grazhdanskoi voiny: "kornilovshchina" i legitimatsiya politicheskogo nasiliya [From the History of Civil War Language Development: "Kornilovshchina" and Legitimation of Political Violence], in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. Vol. 27. No. 4. Pp. 192–202 (in Russian).

Kolonitskii B.I., Godunov K.V. "Kornilovshchina" kak "grazhdanskaya voina": ispol'zovanie ponyatiya v usloviyakh politicheskogo krizisa ["Kornilovshchina" as a "civil war": the application of the concept in the context of a political crisis], in *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2021. No. 3(54). Pp. 78–87 (in Russian).

Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full Composition of Writings]. Vol. 34. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1969. 584 p. (in Russian).

M. A-v. Spasenie rodiny [Saving the Motherland], in *Moskovskie vedomosti*. 1917. 30 august (in Russian).

Martynov P. V eti dni... [These days...], in *Rech'*. 1917. 25 august (in Russian).

Nikol'skii B.V. *Dnevnik. 1896–1918* [Diary. 1896–1918]. Vol. 2: 1904–1918. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015. 652 p. (in Russian).

Manuscripts Department of the Russian National Library (OR RNB). F. 326. Inv. 251. D. 20. OR RNB. F. 1136. Inv. 1. D. 56.

Oshanin D. Dni smuty [Days of Turmoil], in *Gazeta dlya vsekh*. 1917. 30 august (in Russian).

- Petrograd, 28 avgusta [Petrograd, August 28], in *Rech'*. 1917. August 28 (in Russian).
- Petrograd, 29 avgusta [Petrograd, August 29], in *Rech'*. 1917. August 29 (in Russian).
- Petrograd, 30 avgusta. V poslednii chas [Petrograd, August 30. In the last hour], in *Russkaya volya*. 1917. August 30 (in Russian).
- Petrograd, 30 avgusta 1917 g. [Petrograd, 30 August 1917 y.], in *Znamya truda*. 1917. August 30 (in Russian).
- Petrograd, 31 avgusta. Zadachi dnya [Petrograd, 31 August. Tasks of a day], in *Russkaya volya*. 1917. August 31 (in Russian).
- Polgoda [Six months], in *Russkaya volya*. 1917. August 27 (in Russian).
- Punin N.N. *Mir svetel lyubov'yu. Dnevnik. Pis'ma* [The world is bright with love. Diaries. Letters]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000. 525 p. (in Russian).
- Sobolev G.L. *Revoljucionnoe soznanie rabochikh i soldat Petrograda v 1917 g. (period dvoevlastiya)* [The Revolutionary Consciousness of the Workers and Soldiers of Petrograd in 1917: The Period of Dual Power]. Leningrad: Nauka, 1973. 330 p. (in Russian).
- Sobytiya 29 avgusta i v noch' 30 avgusta [Events on August 29 and on the night of August 30], in *Izvestiya*. 1917. August 30 (in Russian).
- Sukhodol'skii V.I. Slukhi [Rumors], in *Russkaya volya*. 1917. August 27 (in Russian).
- Tarasov K.A. Moskovskoe gosudarstvennoe soveshchanie 1917 goda v poiskakh preodoleniya yazyka klassovoi bor'by [The Moscow state conference of 1917 in overcoming the language of class struggle], in *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 2021. No. 3(54). Pp. 101–113 (in Russian).
- Trutovskii V. Zagovorshchiki [The conspirators], in *Znamya truda*. 1917. August 25 (in Russian).
- Ustryalov N.V. *Byloe – revolyutsiya 1917 g. (1890-e–1919 gg.): Vospominaniya i dnevnikovyje zapisi* [The Past – the revolution of 1917 (1890s–1919): Memoirs and diary entries]. Moscow: ANKIL, 2000. 246 p. (in Russian).
- Shreider A. Osen' glubokaya [Autumn is deep], in *Znamya truda*. 1917. August 27 (in Russian).
- Bellum civile, in *Moskovskie vedomosti*. 1917. August 30.
- Collins R. *Violence: a Micro-Sociological Theory*. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2008. 584 p.
- Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001. 380 p.
- Tackett T. *The Coming of the Terror in the French Revolution*. Cambridge, London. The Belknap Press of Harvard University Press, 2015. 463 p.

Статья принята к публикации 21.09.2023